

УДК 81.373.7

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ЛЕЗГИНСКОГО И ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКОВ

Т. Т. Таибова

Дагестанский государственный педагогический университет

В статье на материале лезгинского и даргинского языков исследуются вопросы грамматической структуры фразеологизмов. Подавляющее большинство лезгинских и даргинских фразеологических единиц в структурно-грамматическом отношении эквивалентны словосочетаниям.

The article deals with the problems of the grammatical structure of idioms basing on Lezghi and Darghi data. The vast majority of Lezghi and Darghi idioms regarding their grammatical structure are equivalent to phrases.

Ключевые слова: фразеологическая единица; словосочетание; грамматическая структура; лексический состав; семантические признаки; морфологическое выражение компонентов; семантическая совместимость компонентов.

Keywords: phraseology unit; idiom; word combination; grammatical structure; lexis; semantic features; morphological expression of components; semantic compatibility of components.

Лингвистически особо актуальны принципы организации грамматической структуры фразеологизмов. Любая фразеологическая единица (ФЕ) имеет составной характер, и различные по своим морфологическим свойствам лексемы образуют между собой систему лексико-грамматических взаимоотношений, обусловленных объективными законами организации лезгинского и даргинского синтаксиса. «Лексическое и грамматическое значения фразеологизма, составляющие смысловое содержание его, немыслимы вне формы, поскольку фразеологизм как качественно определенная языковая единица представляет собой единство формы и содержания» [1, с. 126]. Адекватная характеристика категориальной сущности любой фразеологической единицы может быть достигнута лишь при всестороннем вскрытии как формально-грамматических, так и семантических признаков ее. Вопросам сопоставительного изучения таких разделов языкознания, как словообразование, фразеология посвящена работа А.Г. Гюльмагомедова «Основы фразеологии лезгинского языка» [2].

В ряде работ утверждается, что фразеологические единицы по своей структуре ничем не отличаются от обычного переменного словосочетания. Этот постулат не распространяется на материал лезгинского и даргинского языков. Есть группа фразеологизмов, структура которых противопоставляется структуре переменных словосочетаний свободного употребления целым рядом признаков, обусловленных семантикой и особенностями синтаксиса лезгинского и даргинского предложений. Относительно эквивалентности фразеологизмов и словосочетаний свободного употребления, исходя из особенностей материала в нашей картотеке, можно утверждать, что подавляющее большинство лезгинских и даргинских фразеологических единиц ФЕ в структурно-грамматическом отношении эквивалентны словосочетаниям (СС). Конструкции их повторяют модели свободных СС. Отдельно взятая ФЕ свою языковую природу наиболее полно и отчетливо обнаруживает в реальном употреблении – в составе матричного текста. ФЕ и СС имеют неодинаковые сочетательные возможности, словоизменительные их парадигмы не апплицируются, есть и другие отличия. Это одно из существенных формальных отличий ФЕ от СС. Именно по реальным функциям фразеологизма можно судить о том, каков он, к какому лексико-грамматическому разряду относится. Какими бы многообразными они ни были по значению и по форме, их можно сгруппировать в определенные лексико-грамматические разряды. А по форме и семантике составляющих ФЕ компонентов их можно свести к определенным синтаксическим моделям, в которых однообразно повторяются их инвариантные особенности. Например, в аварских фольклорных текстах фразеологические единицы «выступают как в роли предложений, так и словосочетаний» [3].

Отнесенность конкретной ФЕ к тому или другому разряду, т.е. частям речи, обычно проводится по лексико-грамматическим показателям: а) по возможностям ФЕ данного разряда сочетаться только с определенными разрядами слов (аналогично частям речи); б) по наличию однотипного набора грамматических категорий (например, только именные ФЕ могут иметь категории рода, числа, падежа, а глагольные – времени, вида, залога...); в) каждый разряд ФЕ имеет свой набор парадигматических форм: у одних ФЕ полный набор форм, у других – ограниченный, у третьих – совсем нет парадигмы.

В лезгинском и даргинском языках четко вычленяются следующие общие разряды фразеологических единиц: именные, глагольные, адъективные, адвербиальные, междометные.

Структура ФЕ организована по строгим законам грамматики и синтаксиса языка, имеет четкие формальные проявления, поддающиеся непосредственному наблюдению и описанию. Основные модели ФЕ соответствуют синтаксически обусловленным моделям отдельных слов, и по этой причине считать их немоделируемыми в грамматическом плане неправомерно.

Исследователи фразеологии различных языков традиционно делят фразеологизмы, как правило, на следующие две группы: а) фразеологизмы, по своей структуре соответствующие словосочетаниям; б) фразеологизмы, по своей структуре соответствующие предложениям.

Трудно безоговорочно согласиться с этими постулатами. Нужны уточнения, продиктованные особенностями структур именно лезгинских и даргинских фразеологических образований. На такие группы могут быть разделены далеко не все фразеологизмы, а только глагольные. Выпадает из такого списка часть и глагольных фразеологических конструкций. Это такие фразеологические единицы, которые по своим категориальным свойствам относятся к глагольным, по грамматической структуре же соответствуют именным словосочетаниям. Например, в лезгинском языке: *вад тIуб хьиз* «отлично, блестяще» (букв. «как пять пальцев»); *вакIан кIири(яр)* «облепиха» (букв. «свиньи яблоки»); *кьил акъудун* «разобраться» (букв. «голова вытаскивать / вытащить»); *кьил хкажун* «активизироваться» (букв. «становиться активнее, деятельнее») и т.д.; в даргинском языке: *хIела мухIли, дила хункI* (букв. «твои рога мой кулак» («наказал тебя за твои же слова»); *хIела тур, дила хъяб* (букв. «твой меч, моя шея» («в случае готов принять от тебя любое наказание, вплоть до отсечения головы») и др. В них категориальное значение не сходно с грамматическим, а сопутствует лишь фразеологическому содержанию структуры.

Строение ФЕ существенно сказывается на ее семантике, ибо различия в грамматической организации, как правило, обуславливают различия и в плане семантики. Поэтому необходимо рассмотреть зависимость семантической структуры ФЕ от ее (формальной структуры).

Фразеологические единицы, по структуре эквивалентные отдельным словам, выступают названиями различных предметов, явлений, действий, признаков. ФЕ, по структуре эквивалентные предложению, благодаря наличию в их составе финитных форм глагола служат в основном средством общения и сообщения. В составе же предложения они выступают в роли сказуемого; могут представлять собой и самостоятельное высказывание, законченную мысль.

Фразеологические единицы можно классифицировать по разным признакам: функциям, моделям, грамматической форме компонентов и состоянию их семантической слитности, ведущим компонентам и т.д. Важно, что все они организованы на основе синтаксических моделей словосочетаний и предложений. Поэтому в основу классификации целесообразно положить их синтаксическое строение, выделяя основные типы. Такая классификация имеет и практическое значение: она облегчает лексикографическую инвентаризацию ФЕ, способствует лучшему выявлению специфики их внутреннего строения.

Субстантивные ФЕ с существительным в стержневой позиции имеют большое разнообразие, воплощенное в виде моделей в конкретных конструкциях. Многие модели объединяются в группы. Нет смысла останавливаться на каждой форме серий местных падежей, они объединены в одну группу. Анализу подвергаются только наиболее активные модели, что вполне достаточно для выяснения принципов внутренней организации ФЕ и их основных грамматических и семантических характеристик.

Грамматическая организация (лексический состав, морфологическое выражение компонентов и взаимоотношения между ними) и семантика субстантивных фразеологизмов с существительным в стержневой позиции имеют присущие только им особенности, и каждая модель противопоставляется другой рядом признаков.

Модель «существительное в именительном падеже + существительное в именительном падеже» – общедагестанская, обусловлена способностью имени выступать в роли определения – имя распространяется именем. Разговорно-просторечная сфера – основная сфера их употребления. «Экспрессивность, романтическая разноплановость и яркость, свойственные национальной фразеологии, родились именно в народной речи. Зафиксированные литературным употреблением частицы живой речи сохраняют эти свойства» [4, с. 95]. Примеры: лезг.: *кьил хуьн* «жить», «существовать в процессе жизни» (букв. «голова беречь»); *мецив кьун* «делать кого-либо своим сторонником»; *сарар хци авун* «злобствовать, стремиться причинить вред» (букв. «зубы острые сделать») и т.д.; дарг.: *хIули бецI* «мужественный, сильный, разбирающийся в людях» (букв. «глаз волк»); *хя адам* «злой, неуживчивый» (букв. «собака человек»); *пйакга бекI* «недалекого ума человек» (букв. «коробка голова»); *мирхги квани* «человек, который сдержан в пище» (букв. «пчела живот») и т.д.

Эти модели ФЕ имеют строгий порядок следования компонентов и перестановка не допустима. А в семантическом плане они относятся друг к другу как определяющее к определяемому, причем определяемое всегда расположено в постпозиции, а определяющее – в препозиции.

Грамматически выраженных отношений между составляющими нет, в основной массе они в свободном СС не сочетаемы. Своеобразная «абсурдность» этих ФЕ обусловлена этноязыковой действительностью, законсервированная в ФЕ. При диахронном рассмотрении кажущаяся абсурдность исчезает и выявляются объяснимые мотивы их образования.

Фразеологические единицы этой структуры противопоставляются аналогичным структурам СС в трех аспектах: семантически, синтаксически и окружением. Эти структуры ФЕ не имеют своих прототипов среди свободных словосочетаний. Характер подобных ФЕ – результат целостного переосмысления входящих в них слов, т.е. их компоненты были переосмыслены и деактуализованы еще до образования совместной структуры и «окаменения» их в этой форме.

Вкратце эта модель имеет следующие характеристики:

а) в сфере свободных СС нет у них соответствующих прототипов и относятся к разряду неапплицируемых ФЕ, основанных на алогизме;

б) в большинстве случаев переосмыслены оба компонента таких ФЕ, но встречаются и такие как: лезг.: *серки кьил* «луковица чеснока» (букв. «чеснока голова»); *стха вилин* «братская могила» (букв. «братства могила») и дарг.: *бецI мурул* «храбрец» (букв. «волк мужина»), в которых переосмыслен только один (первый) компонент;

в) к ним нельзя поставить вопросы как к их прототипам, они не могут быть названы большими/маленькими, хорошими/плохими и т.д. К ним могут относиться оценки типа лезг. *тежер кьван* «много, множество», «очень много» (букв. «невозможно столько» и дарг. *лавгIев* «очень, очень даже, чересчур», потому что для них в высшей степени характерна оценочность значения;

г) чаще всего встречаются в функции сказуемого, именной части составного сказуемого, именных членов предложения. Ограниченность сочетательных возможностей обусловлена их узкой семантикой.

Каждая лексико-семантическая группа обладает своим словообразовательным потенциалом, имеет полностью или частично совпадающий состав производных, т.е. словообразующие свойства исходных слов зависят от того, к какой лексико-семантической группе или тематическому разряду слов они относятся [5, с. 132].

Это самая продуктивная и многочисленная модель. Сфера употребления не ограничивается диалектами или литературным языком. В структурно-семантическом плане она представляет собой «определение + определяемое». Их позиции строго фиксированы, но перестановка компонентов допустима и фразеологичность при этом несколько не страдает.

Грамматически выраженной связи между компонентами нет, связь только смысловая, обусловленная в большинстве случаев внеязыковой действительностью: семантика почти каждой этой фразеологической конструкции этноокрашена.

Примеры: лезг.: *гзил авун* «делать ход (играя в шашки, шахматы)» (букв. «рука делать»); *гьуьлуьн кицI* «тюлень» (букв. «морская собака»); *гзил кзачун* 1. «простить / прощать». 2. «отказываться от кого-чего-либо» (букв. «рука купить»); *гзил кьун* «поддерживать / поддерживать», «помогать жить» (букв. «рука держать»); *гзиле кьун* «начать / начинать заниматься» (букв. «в руке держать»); *цеси кьей* «проклятый», «окаянный» (букв. «хозяин умерший»); *гзилин ачухвал* «щедрость», «способность оказывать бескорыстную помощь другим»; *гзилай акзатун* «лишаться / лишиться», «терять / потерять» (букв. «из руки выйти / выходить»); *дидед чIал* «родной язык», «язык, на котором человек говорит с рождения» (букв. «матери язык»); *гзайиф чIугун* «жалеть / пожалеть» (букв. «жалость тянуть») и т.д.; дарг.: *цIала тIякз* «храбрый» (букв. «огня искорка»); *лигуба ла ганзи* «очень худой» (букв. «из костей лестница»); *эмхIела бекI* «тупой, малоумный» (букв. «ослиная голова»); *мургыла тIал* «надежная, полезная опора для других; надежда своего рода» (букв. «золотой столб»); *мургыла някзби* «мастер своего дела, умелец» (букв. «золотые руки»); *чякала берг* «о слишком маленькой порции пищи» (букв. «птичий корм»); *кзана-чякала деко* «безвольный, слабохарактерный человек» (букв. «всякой птицы пища»); *хIунтIен цIала цIа* «всем храбрецам храбрец» (букв. «красного огня огонь») и т.п.

Компоненты этой модели связаны между собой притяжательными отношениями. Первый компонент, имя в родительном падеже, выступает определением второму существительному. Родительный падеж – одна из основных форм выражения определительных отношений между именами.

Встречаются случаи, когда именное определение в свою очередь может иметь еще одно определение, выраженное числительным. Например, ФЕ даргинского языка *ца урчи ду-цIла гзун* букв. «одного коня бега расстояние». Именной комплекс *ца урчи ду-цIла* «одного коня бег» выражает одну семантическую величину – осложненное определение к *гзун* «дорога». Признать эту конструкцию четырехчленной нет оснований – модель образована только двумя семантическими величинами. А четыре знака придают модели только структурную сложность.

Эта модель осложняется еще и послелогом к первому компоненту и другими определениями. Эти элементы, не являющиеся базовыми для модели ФЕ, не могут повлиять на ее статус двучленной, хотя и осложняют ее. Примеры: лезг.: *культурадин кIвал* «Дом культуры» (букв. «культуры дом»); *ракзин цуьк* «подсолнечник / подсолнух» (букв. «солнца цветок»); *кзизилдин мехзер* «золотая свадьба», «пятидесятилетие супружеской жизни» (букв. «золото свадьба»); *кзелемдин стха* «брат по перу», «писатель, поэт, журналист в отношении к другому поэту, писателю, журналисту-единомышленнику» (букв. «карандаша брат»); *кзизилдин гзилер* «золотые руки» (букв. «золота руки»); *кзурен иис* «год зайца» (букв. «зайца год») и т.д.; дарг.: *бецI мурулла дуги* «холодная, дождливая, ветреная, туманная ночь» (букв. «волк мужчины ночь»); *бецI бурицла дуги* «тяжелая ночь, ночь для отборных храбрецов» (букв. «волка поймать способного ночь»); *вана ницла чарх* «красивое, белое тело юной девушки» (букв. «из парного молока тело»); *Шамахи хабарла вегI* «прославленный храбрец» (букв. «слава его равна Шамахи»); *анкзи-алавла гзабза* «трусливый человек» (букв. «возле очага мужчина») и т.п.

Внутреннее строение этой модели отличается от инвариантной лишь количеством составляющих, а внутренние (между компонентами) отношения такие же – только семантические.

ЛИТЕРАТУРА

1. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. Л., 1977. 304 с.
2. Гюльмагомедов А.Г. Основы фразеологии лезгинского языка. Махачкала, 1978. 246 с.
3. Магомедов М.И. Фразеологизмы-предложения в аварском языке // Вестн. Ин-та языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. 2013. № 4. С. 7.
4. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М., 1989. 220 с.
5. Исаев М.-Ш.А. Структурная организация и семантика фразеологических единиц даргинского языка. Махачкала, 1995. 356 с.

Поступила в редакцию 09.07.2014 г.
Принята к печати 29.06.2015 г.